

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

Рафалу и Веронике, моим любимым детям

Под утро, в сером безмолвии, ему показалось,
будто он уже мертв, будто кто-то подменил его
между двумя ударами часов.

Михал Цетнаровский. Пустыня растет

Обожаю это место по ночам. Звезды... в них нет
ни добра, ни зла. Они просто есть.

Сержант Элиас Гродин. «Взвод» (реж. Оливер Стоун)

ПРОЛОГ

*Вторник, 12 июля, 22.30
Фортост Дисторсия,
пустыня Саладх, южный Ремарк*

Должен тебе сказать, дорогой сынок: мы больше не увидимся. Я не вернусь в большой город, чтобы оказаться в людском муравейнике. Мы не сделаем многое из того, что обычно делают вместе отцы и сыновья. Мы не починим испорченный кран, не посмотрим фильм про космос и не пойдем прогуляться по лесу. Ты не расскажешь мне о своей первой драке и своей первой любви. Мы не поставим палатку у озера и не разведем костер. Я останусь здесь, в этой паршивой пустыне, которая тяжело дышит после жаркого дня.

Все разваливается, мой дорогой, мир давно уже перестал быть единым целым. Все существует по отдельности — предметы, явления и люди, будто фрагменты разных головоломок. Я почти механически воспринимаю теплый ветер, обдувающий мне лицо, пересыпающиеся зерна гравия и хлопанье флага на мачте. Я ощущаю за-

пах этой сожженной земли, вползающий под керамический жилет, ощущаю тяжелый от жары зилоновый шлем и стынувшую грязь в моих ботинках.

В этот вечер мы стоим на посту — твой папа и четверо молчаливых мужчин, охраняющие главные ворота базы Дисторсия, а также друг друга и голубой ад под собственными ногами; скрытое под землей чудовище терпеливо наблюдает за нами, подобно опытному хищнику. Предыдущая смена ушла в двадцать два часа, устав от ожидания партизанской атаки или френического огня. Я командир, мой малыш, и потому занял место командира под оклеенной фольгой деревянной крышей, слева от ворот.

У нас есть большой скорострельный пулемет. Наш MUG калибра 7.62 обслуживает рядовой Гаус, плечистый парень из Бильдена. Он курит сигарету и стучит каблуком по куску бетона, который отковырял от пола миниатюрного бункера. Размеренное движение явно его успокаивает, так же, как и тебя, когда ты не мог заснуть.

На другой стороне дороги в точно таком же гнезде сидят старший рядовой Пурич и старший рядовой Дафни, которого мы зовем Водяная Блоха. Знаю, дорогой, прозвище дурацкое, но его фамилия вызвала у нас ассоциации с дафнией. Последний из команды, старший рядовой Баллард, находится значительно выше, в кабине грузовика «Кавказ», припаркованного поперек ворот. Это чудовище весом в полтора десятка тонн выглядит красивее даже твоих игрушек. Мы до краев заполнили его песком, словно ребятишки в песочнице, и он служит нам входом на базу. Между «Кавказом» и стеной высотой в два с лишним

метра мы оставляем только щель, через которую может протиснуться человек.

Или то, что от человека осталось.

Резкие лучи прожекторов на угловых мачтах вырывают из темноты заграждения на дороге. Приходится лавировать между ними, отправляясь в патруль. И нужно быть внимательным, чтобы не перепутать маршрут — саперы заминировали почти всю территорию на случай штурма партизан. Дорога извивается между небольшими холмами, доходя через три километра до разрушенной автострады, ведущей из Хармана в Физзу.

Я думаю об этих местах и своих людях. Наша миссия длится уже семь месяцев, и мы провели вместе сотни часов. Ко мне приходили и рассказывали о своих проблемах, а я делал все, что мог, лишь бы заслужить их доверие. И я с самого начала понимал, что должен лучше их узнать, ибо от этого когда-нибудь будет зависеть наша жизнь. Но сейчас нас окружает тишина. Безумие, скрывающееся под ногами, разливается по всей базе, затыкая нам рты.

Мы уже задавали странные вопросы, ссорились и пытались сражаться, а теперь трясемся от страха, и я не стыжусь об этом сказать: спокойствие — лишь игра, в которую мы играем, чтобы не бросить оружие и не сбежать в пустыню.

— Ворота, ответьте, — раздается в наушнике голос Янга, дежурного офицера.

— Капрал Трент, — отвечаю я. — Слушаю, господин лейтенант!

— К вам едут два «скорпиона» из третьего взвода. Быстро пропустите их, они везут раненых дезертиров. Разведка готовит дрон, который сейчас пролетит над вами.

— Понял, господин лейтенант. Конец связи.

Я выхожу из бункера и протираю защитные очки от пустынной пыли.

— Баллард!

— Да, Маркус!

— Доложи, что видишь на дороге.

Крис приставляет к глазам бинокль и изучает окружение, используя ночное видение. Мне сильно не хватает его самообладания и упорства, которые обычно передаются остальным.

— Два «скорпиона» только что выехали из-за правой Сиськи.— Так мы называем два одинаковых холма напротив.— Они будут здесь примерно через три минуты.

— Хорошо, заводи машину и жди моего знака.

— Есть!

Кивнув Пуричу, я коротко объясняю ситуацию. Над нашими головами пролетает беспилотный «сokol» и исчезает в ночной тьме. Мы идем в сторону первого заграждения и ждем появления машин. Гаус и Водяная Блоха сидят в бункерах, держа пальцы на спусковых крючках своих MUG. Вскоре становятся видны позиционные огни, с которыми ездят водители МСАРР, и красные сигналы на мачтах. В том, что это наши, нет никакого сомнения, но проверить все равно надо. Первый «скорпион» тормозит перед заграждением, вздымая облако пыли. Из кабины высовывается усталый сержант Северин.

— Пропустите, парни. Мы возьмем тяжелораненых. — Пурич светит внутрь светодиодным фонарем. — Блядь, не по глазам же!

Мы заглядываем во вторую машину, где на заднем сиденье лежат три обгоревшие куклы — трое обожженных солдат. При их виде взгляд сам утыкается в землю. Стрелок на крыше с отсутствующим видом опирается головой о пулемет. Под пыльными тряпками я узнаю Лукаса. Парень сломался — он словно визитная карточка нашего подразделения.

Я отдаю Балларду приказ по радио. Бронированный «Кавказ» с ревом освобождает въезд на базу, и патруль поспешно проезжает мимо, чтобы как можно скорее добраться до медсанчасти. Там их уже ждут капитан Заубер и старшина Гильде, на всякий случай держа под столом пластиковые мешки для трупов. В холодильной камере, насколько я помню, лежат еще шестеро беглецов, а также седьмой, разорванный на куски.

— И что скажешь? — спрашиваю я Пурича, просто чтобы нарушить тишину.

— Придет и наша очередь. Я предпочел бы погибнуть в бою, чем так.

Мы возвращаемся на свои посты. Идем медленно, глаза заслоняет врезавшийся в память вид обожженных солдат. Я лезу в карман за помятой пачкой сигарет — и тут раздается громкий крик Гауса. Из уменьшающейся щели между грузовиком и стеной выбегает какой-то солдат и мчится прямо на нас, размахивая автоматом. Судя по всему, он воспользовался сумато-

хой во время проезда патруля и пробрался к выходу. Он решил бежать с базы пешком, пробившись через часовых. Если можно так выразиться — весьма рискованный план.

Мы целимся в него из МСК, но он мчится дальше, выставив вперед голову. На носу у него очки, на голове покосившийся шлем. Это капрал Норман из нашего взвода, про которого я всегда думал, что он наверняка свихнется последним. «Все течет,— как писал Гераклит,— и ничто не остается прежним». Сейчас мы застрелим Нормана или он перестреляет нас, и коллекция пополнится очередным инцидентом, над которыми ломает голову капитан Бек.

Я прикладываю оружие к плечу, целюсь... и чувствую, что не смогу убить своего друга.

— Стой, сукин сын! — кричит не по уставу Пурич.

— Норман, стой, стрелять буду!

Но для Ларса Нормана быть застреленным — явно меньшее зло, чем оставаться на базе. По крайней мере сейчас, когда происходит то, что происходит. Он налетает на нас с разбегу, мы расступаемся в стороны, и Пурич аккуратно выставляет ногу, профессионально подсекая беглеца. На гражданке он играл в футбол в окружной лиге, и спортивный опыт дает о себе знать. Капрал падает плашмя, роняет оружие и кувыркается по песку, ударяясь о ближайшее ограждение. Когда он пытается подняться, на его спину опускается бронированный кулак Гауса, выбивая воздух из легких. Вим Гаус всегда оказывается там, где можно кому-нибудь врезать, и быстро решает подобные вопросы.

Мы окружаем лежащего, будто стоя волков. Гаус поднимает автомат, шлем и треснувшие очки, а Пурич переворачивает лежащего на спину и светит фонарем ему в глаза. С разбитого лба течет кровь, лицо выглядит так, будто им повозили по асфальту. Норман заслоняется от света исцарапанными руками. Вытаращенные от ужаса глаза не могут ни на чем сосредоточиться. Его бьет адреналиновая дрожь так, что стучат зубы. У него проблемы с речью, и он все меньше напоминает того парня, с которым я любил поболтать в столовой о старых фильмах. Полная развалина.

— Совсем ебанулся, Норман? — деловито спрашивает Пурич. — Погибнуть захотел?

— Выпустите меня отсюда, выпустите... Я не хочу умирать, — по-собачьи скулит обезумевший капрал. — Мы все там умрем! — Он вытягивает руку в сторону базы.

— Заткнись, Ларс! — Я ударяю его раскрытой ладонью по лицу и поворачиваюсь к воротам. — Баллард! Свяжись с сержантом, пусть он его отсюда заберет. И никому ни слова, парни, — лишняя паника нам ни к чему.

Часть первая

ВСТУПЛЕНИЕ

Глава первая

*Среда, 6 января, 20.40, на полгода раньше
Рамманско-Ремаркская граница,
окрестности Тирона, Республика Рамма*

Дорогой сынок, я уже очень далеко, хотя от твоего дома меня отделяет всего шестьсот километров. Как и все, я постоянно задумываюсь, не билет ли это в один конец. Меня преследует мысль, что я не успею исправить свои ошибки, так что пишу тебе и буду писать в каждую свободную минуту. Мы едем в составе громадного конвоя, который приближается к границе с Ремарком, а я яростно стучу по экрану своего коммуникатора. Голова то и дело ударяется о бурый брезент, и я растираю руки, поскольку тут далеко не тепло, мой дорогой. Сперва напишу тебе, как случилось так, что мне пришлось уехать.

В десять утра тридцатого декабря жандармерия вручила мне повестку в Миротворческие силы. Когда я приехал попрощаться с родителями, твоя бабушка, с которой ты не знаком, начала плакать и носиться туда-сюда, дед давал последние наставления, а мне